

Аркадий Аверченко

Книга смеха

Юмористический сборник

**Москва
«Книга по Требованию»**

УДК 93
ББК 63.3
А19

А19 **Аверченко А.Т.**
Книга смеха: Юмористический сборник / Аркадий Аверченко – М.: Книга
по Требованию, 2013. – 127 с.

ISBN 978-5-517-98847-8

Рассказы, сказки, сценки, избранные анекдоты, остроты, шутки

ISBN 978-5-517-98847-8

© Издание на русском языке, оформление
«YOYO Media», 2013

© Издание на русском языке, оцифровка,
«Книга по Требованию», 2013

Эта книга является репринтом оригинала, который мы создали специально для Вас, используя запатентованные технологии производства репринтных книг и печати по требованию.

Сначала мы отсканировали каждую страницу оригинала этой редкой книги на профессиональном оборудовании. Затем с помощью специально разработанных программ мы произвели очистку изображения от пятен, клякс, перегибов и попытались отбелить и выровнять каждую страницу книги. К сожалению, некоторые страницы нельзя вернуть в изначальное состояние, и если их было трудно читать в оригинале, то даже при цифровой реставрации их невозможно улучшить.

Разумеется, автоматизированная программная обработка репринтных книг – не самое лучшее решение для восстановления текста в его первоизданном виде, однако, наша цель – вернуть читателю точную копию книги, которой может быть несколько веков.

Поэтому мы предупреждаем о возможных погрешностях восстановленного репринтного издания. В издании могут отсутствовать одна или несколько страниц текста, могут встретиться невыводимые пятна и кляксы, надписи на полях или подчеркивания в тексте, нечитаемые фрагменты текста или загибы страниц. Покупать или не покупать подобные издания – решать Вам, мы же делаем все возможное, чтобы редкие и ценные книги, еще недавно утраченные и несправедливо забытые, вновь стали доступными для всех читателей.

Серия Книжный Ренессанс

www.samizday.ru/reprint

ВЪ АДУ.

(Французская сказка)

У преддверья ада, Сатана, сидя на тронѣ изъ раскаленнаго желѣза, присутствовала при прибытіи душъ.

Гордыя души полководцевъ, судей и королей; скромныя души земледѣльцевъ, кушцовъ и слугъ, — каждая послѣ краткаго слова отсылалась на мѣсто вѣчныхъ мукъ. Церемонія эта продолжалась долго. Царь тьмы, казалось, почувствовалъ усталость и ужъ сладко сталъ зѣвать, когда предъ нимъ предстала душа поэта.

Какая жалкая добыча была эта душенка! — Тощенькая, маленькая, постная, — это была душа, ничего почти не стоящая: душа голоднаго...

Сатана, при видѣ этой смиренной, жалкой душенки, напомнившей взгляду побитой собаки, разразился громкимъ смѣхомъ:

— Ха-ха-ха! Ты меня забавляешь — воскликнулъ онъ. — Право, ты щедро искупилъ свои грѣхи на землѣ. Твоя ничтожность меня забавляетъ. Я беру тебя къ себѣ на службу. Видишь ты этотъ котелъ? Въ немъ варятся въ кипящемъ маслѣ души нѣсколькихъ трактирщиковъ. Я поручаю тебѣ поддерживать постоянный огонь подъ этимъ котломъ и въ то же время наблюдать за входомъ. Если я буду доволенъ твоей службой, ты повысишься въ чинѣ.

Сатана удался, и поэтъ усѣлся около котла и сталъ усердно хѣшать горячій уголь. Онъ не любилъ трактирщиковъ, которые такъ часто, при его жизни, отказывали ему въ кредитѣ. Кромѣ того, ему хотѣлось угодить новому хозяину. Огонь ярко пылалъ, масло въ котлѣ кипѣло, а поэтъ, которому нечего было особенно дѣлать, сталъ мечтать.

Вдругъ къ нему подходитъ господинъ, одѣтый въ шелкъ и бархаты, съ перьями на шляпѣ и съ золотыми шпорами на лакированныхъ саножкахъ. Его сопровождалъ оруженосецъ, одѣтый въ нарчевой плащъ.

Это былъ Св. Петръ, а его оруженосецъ, Св. Тома, оба неузнаваемые въ своихъ нарядахъ. Они бродили по владѣниямъ ада, чтобы попытаться спасти нѣсколько душъ отъ адскихъ мукъ.

Святой Петръ вѣжливо поклонился поэту, который въ свою очередь, отвѣтилъ учтивымъ поклономъ.

Между ними живо завязался разговоръ по душамъ, и Св. Петръ скоро узналъ, что его собесѣдникъ былъ при жизни поэтомъ безъ имени и безъ читателей; что онъ всегда имѣлъ хорошій аппетитъ, но удовлетворялъ его очень рѣдко; что онъ воспѣвалъ хорошее вино, цвѣты и свѣтскія радости, но что самъ онъ пилъ воду, жилъ на чердакѣ и... умеръ съ голоду.

Св. Тома, между тѣмъ, бросалъ исподтишка взгляды на котель, въ которомъ весело подпрыгивали души трактирщиковъ.

— Я очень люблю стихи — продолжалъ разговоръ Св. Петръ. — Не знаете-ли вы какихъ-нибудь на память? Вы доставили бы мнѣ большое удовольствіе, если бы прочли нѣкоторыя изъ вашихъ произведеній.

— Съ удовольствіемъ! — радостно согласился поэтъ. При жизни онъ съ трудомъ находилъ слушателя для своей поэзіи, а если ему иногда и удавалось найти кого-либо, кто соглашался выслушать его, то никогда не

могъ его заставить дослушать до конца... — Вотъ послушайте это стихотвореніе, это одно изъ лучшихъ.

И поэтъ припаялся декламировать, жестикулируя руками, съ восторженнымъ лицомъ и голосомъ то громкимъ, то замирающимъ. За первымъ стихотвореніемъ немедленно послѣдовало второе, „еще лучшее, чѣмъ первое“; затѣмъ третье, „удавшееся, пожалуй, лучше всѣхъ другихъ“...

Св. Петръ слушалъ съ восхищеніемъ и усердно аплодировалъ поэту.

Св. Оома, межъ тѣмъ, пользуясь удобнымъ моментомъ выхватилъ изъ котла нѣсколько душъ несчастныхъ трактирщиковъ и сунулъ ихъ въ мѣшокъ, находившійся подъ его плащомъ.

Св. Петръ, между тѣмъ, продолжалъ увѣрять до крайности воодушевленнаго поэта, что онъ никогда въ своей жизни не слышалъ подобныхъ стиховъ. Онъ поражался тому, что поэтъ съ такимъ талантомъ могъ остаться неизвѣстнымъ при его жизни. „Вѣроятно — заключилъ онъ — завистники вредили вамъ“.

— Безъ сомнѣнія!—согласился поэтъ и сталъ ругать своихъ современниковъ. Одинъ добился славы путемъ интригъ, другой—благодаря знакомствамъ и красивой женѣ... третій—лестя власть-имущимъ; четвертый — ворюя у другихъ мысли и стихи и т. д. и т. д. А на самомъ дѣлѣ между нимъ нѣтъ ни одного истиннаго таланта, нѣтъ равнаго ему...

Св. Петръ во всемъ соглашался съ поэтомъ, межъ тѣмъ какъ Св. Оомѣ удалось выхватить еще нѣсколько душъ изъ кипѣвшаго котла.

— Послушайте — продолжалъ занимать поэта Св. Петръ — я знакомъ со многими крупными издателями и смогу, вѣроятно, напечатать ваши стихи. Я васъ также отрекомендую душамъ критиковъ, которые навѣдутъ дѣ-

люе очерки о вашихъ прозвѣдѣнїяхъ. Ни о комъ, кромѣ васъ, публично говорить не будетъ.

Поэтъ съ восторгомъ сталъ душиить Св. Петра въ своихъ объятїяхъ, обѣщая посвятить ему посланіе въ десятистопныхъ стихахъ, въ особенно обработанномъ стилѣ. Онъ пошлетъ ему полное собраніе своихъ сочиненїй, какъ только они появятся изъ печати.

Св. Оома, между тѣмъ не дремалъ и усердно выуживалъ послѣднїя души трактирщиковъ изъ начавшаго уже остывать котла.

Получивъ отъ Оомы условный знакъ, что все уже готово, Св. Петръ сталъ прощаться съ поэтомъ, увѣряя его въ своей преданности и вѣчной дружбѣ.

Когда Сатана, въ сопровожденїи высшихъ сановниковъ ада, вернулся для ночного обхода, онъ нашелъ огонь подъ котломъ потухшимъ, масло холоднымъ; дверь ада была широко открыта, и души трактирщиковъ исчезли... Онъ поднялъ страшный шумъ и вой: тронъ его полетѣлъ въ голову одного сановника; котель—въ голову другого, а несчастный поэтъ-кочегаръ получилъ такой шинокъ въ мягкое мѣсто, что пробивъ сводъ ада онъ вылетѣлъ въ голубое пространство, между небомъ и землею, гдѣ и обитаетъ, говорятъ, по сіе время.

Вотъ почему, увѣряютъ знающіе люди, души поэтовъ не попадаютъ на тотъ свѣтъ, а вѣчно витаютъ въ облакахъ, ибо чортъ ихъ не беретъ, а въ рай изъ-за трактирщиковъ мѣста нѣтъ...

Пер. съ франц. Л. П.

У М И Р О В О Г О .

— Андрей Лукич Топтыгинъ и Мавра Васильевна Куроцалова! — проговорилъ мировой судья, обводя усталымъ взглядомъ публику, наполнявшую его камеру.

Къ столу судьи подошли тяжущіеся: пожилыхъ лѣтъ женщина, одѣтая въ черное, съ неприятнымъ сухимъ лицомъ, и мужчина съ сильно полинявшею шевелюрой и коротенькой бородкой клиномъ.

— Вы Топтыгинъ? — обратился судья къ мужчине, конфузливо опустившему глаза внизъ.

Молчаніе.

— Я васъ спрашиваю...

— Слышу-съ...

— Такъ чего же вы молчите?

— Отъ совѣсти-съ, господинъ судья. Въ первой, признаться, я подъ вашу опеку-то попалъ.

— Не доводили бы себя до этого! — замѣтилъ судья. — Вы вотъ тутъ, на судѣ, совѣститесь, а тамъ, въ гостяхъ, скандалы устраиваете...

— Я, скандалы? Въ первый слышу-съ... изумленъ даже-съ...

— Изумляться можете сколько вамъ угодно, а... кусаться-то не слѣдовало...

— Совсѣмъ не извѣстная для меня иллюстрація-съ...

— Значить, вы не признаете себя виновнымъ, что находясь въ гостяхъ у госпожи Куроцаловой, укусили ее въ губу?

Снова конфузливое молчаніе со стороны отвѣтника.

— Чего же вы молчите? Госпожа Куроцалова, равно скажите, какъ онъ васъ укусилъ...

— Очень просто, ваше превосходительство: нужно

вась предупредить, что я вдова...

— Это къ укушенію не относится...

— Ахъ, очень даже относится! Извѣстно, ежели бы у меня покойный мужъ существовалъ, такъ онъ бы такой инквизиціи не допустилъ... нужно вась предупредить, ваше превосходительство, что мой покойный мужъ состоялъ...

— Оставимъ покойниковъ въ покоѣ; говорите только то, что относится къ дѣлу.

— Съ удовольствіемъ, ваше превосходительство.

— И „превосходительствомъ“ меня не величайте, я еще не генералъ.

— Я дама вѣжливая, господинъ судья, и должна понимать передъ кѣмъ я стою...

— Хорошо-съ. Говорите, что относится къ дѣлу.

— Съ удовольствіемъ, ваше превосходительство. Нужно вась предупредить, что у меня есть дочь — не-лѣста Аннушка.

— Позвольте, ваша Аннушка имѣетъ какое-нибудь отношеніе къ укушенію?

— Ахъ, громадное, ваше превосходительство! Изъ-за нея собственно и вышло это звѣрское покушеніе на мою жизнь...

— Мавра Васильевна! — перебилъ ее отвѣчикъ:— я человекъ съ совѣстью, но ежели вы пачнете врать...

— Съ вами не говорить. Я говорю съ господиномъ мировымъ судьей. Нужно вась предупредить, ваше превосходительство, насчетъ г. Топтыгина...

— Говорите, пожалуйста, безъ всякихъ предупрежденій...

— Слушаю-съ. Нужно вась предупредить...

— Я только что вась просилъ...

— Я про дѣло, ваше превосходительство. Нужно вась предупредить, что моя дочь Аннушка красоты неопытной. Ей всего восемнадцать лѣтъ, а господину

Топтыгину сорокъ пять. И можете себѣ вообразить, что онъ съ отакой рожей поѣзъ свататься.

— Выражайтесь вѣжливѣе.

— Слушаю-съ, ваше превосходительство. Я на васъ полагаюсь: ну, можно ли съ такой харей...

— Я васъ предупреждаю еще разъ...

— Слушаю-съ. Понятно, я ему отказала и просила объ этомъ совсѣмъ даже не мечтать. Разумѣется, получивши отказъ онъ затаилъ злобу на меня и дожидался только предлога, чтобы отомстить мнѣ за это. На Святой онъ прѣзжаетъ къ намъ съ визитомъ и привозитъ дочери шоколадное яйцо. Намъ, конечно, былъ очень непріятенъ его визитъ, тѣмъ болѣе съ шоколаднымъ яйцомъ, но мы все-таки очень вѣжливо его приняли. Онъ подходитъ къ Аннушкѣ и говоритъ: „Христочъ Воскресе!“ Та, разумѣется, ему со всей деликатностью: „во истину воскресе!“ — Позвольте, говорить, по обычаю троекратно облобызаться!.. Конечно, ваше превосходительство, Аннушка глупа, хотѣла исполнить его намѣреніе, но я сказала: Аннушка! не смѣй!..

— Почему же именно? — полюбопытствовалъ судья — это прекрасный обычай...

— Ахъ, ваше превосходительство, вѣдь я мать, вы поймите, я должна защищать свое дѣтище, тѣмъ болѣе я вдова, которую всякій обидѣть можетъ... ужъ ежели онъ у меня губу прокусилъ, такъ у Аннушки безпримѣнно бы носъ отгрызъ.

— Да для чего?

— Ахъ, какъ вы этого не понимаете. Изъ злобы за отказъ... Позвольте теперъ васъ спросить, по со-вѣсти, взяли бы вы мою Аннушку замужъ безъ носу, или нѣтъ?

— Это къ дѣлу не относится.

— Я мать, ваше превосходительство, а у него, позвольте поглядѣть, какія зубищи-то. Онъ разъ обѣдалъ

у насъ, тамъ кость мосталыгу пополамъ перегрызъ... Андрей Лукичъ, покажите его превосходительству зубы!

— При... прикажете, господишь судья?! — спросилъ конфузливо отвѣтчикъ.

— Это совершенно лишнее... продолжайте, пожалуйста. И такъ, вы запретили вашей дочери христосываться съ отвѣтчикомъ?

— Запретила. Я мать, надо васъ предупредить...

— Хорошо, хорошо, я это знаю...

— Тогда онъ подходитъ ко мнѣ и спрашиваетъ ужасно грубымъ тономъ... Конечно, я на тонъ не обратила вниманія, потому, что же съ мужика я могу требовать...

— Я васъ просилъ уже выразаться вѣжливо...

— Виновата, ваше превосходительство. Мужичкиимъ такимъ, понимаете, тономъ: „почему, говорить, вы не дозволяете такого удовольствія?“.. А потому, говорю, Андрей Лукичъ, что благородная дѣвушка...

— Насчетъ, вотъ тоже благородства она вретъ, господишь судья! — перебилъ истину отвѣтчикъ: — потому ежели всякая цеховая...

— Пойдите! Куроцанова, продолжайте.

— А потому говорю, что благородная дѣвушка не можетъ цѣловаться со всякими встрѣчными и поперечными. Со мной христосоваться вы можете сколько хотите, а съ ней нельзя... угодно съ? — Угодно, говорить. Приблизился это ко мнѣ, да какъ цапнетъ зубами за губу, у меня такъ даже искры изъ глазъ посыпались. — Вотъ, говорить, тебѣ. за всѣ ласки... У меня три дня послѣ такого поступка вотъ какой волдырь на губѣ висѣлъ, никуда въ люди показаться не могла...

— Все!

Все-съ! Прошу судить его по закону десятого тома...

— Непремѣнно десятого? — улыбнулся судья.

— Я васъ прошу. Мнѣ одинъ законникъ говорилъ,

что по этому закону всё самые ужасные преступления совершаются.

— Хорошо. Ну-съ, господинъ Топтыгинъ, что вы скажете? Кусались, а?

Молчаніе.

— Да вы говорить вообще то можете?

— Могу. Совѣсть вотъ у меня, а то я могу...

— Ну, я прекрасно. Сознаетесь въ укушеніи?

— Ничего не могу сказать-съ...

— Почему?

— Смыслу нѣтъ-съ. Ну, для какого рожна я ея губу прихвачу? Ну, ветчина тамъ, колбаса... дѣло праздничное... закуска хорошая... а то вдругъ губа, даже не копченая... одно слово подошва старая...

— Ваше превосходительство! надо васъ предупредить, что я насчетъ протоколу буду васъ беспокоить...

— Позвольте! Значить, вы не сознаетесь?

— Смыслу нѣтъ-съ!.. — развежь тотъ руками: — ну, еще куда не шло дочку ихнюю, а то... смыслу даже нѣтъ-съ! Отродясь въ самоѣдахъ не былъ...

— Значить, г-жа Куроцапова клевететь на васъ...

— Это, какъ вамъ будетъ угодно...

— Миѣ ничего не угодно, я васъ спрашиваю.

— Смыслу нѣтъ-съ. Конечно, дѣло было праздничное... визитовъ цѣльная охапка... придти въ забвеніе чувствъ ничего не стоитъ...

— Вы больше ничего не можете сказать?

— Я-съ? сколько угодно-съ. Конечно, совѣсть у меня, а то бы я столько могъ наговорить...

— Въ оправданіе? Это можете.

— И оправдываться-то не въ чемъ. Смыслу нѣтъ-съ.

— Значить, вы не кусались?

— Думаю такъ, что она сама себя укусила.... это бываетъ, что которые, напримѣръ, горячіе люди, завсегда себѣ губы прикусываютъ... а что ежели меня къ вашей

чести приволокли, такъ на то была особенная причина... зашла она у меня подъ росписку сто цѣлковыхъ... ну, я на выигръ я сталъ теревить... потому все одно отъ ней, какъ отъ козла молока, ни монетки не дождешься... ну, черезъ это и вышла церемонія...

— Такъ-съ. Значитъ, вы положительно отрицаете изводимое на васъ обвиненіе?

— Смыслу нѣтъ-съ... Конечно, съ визитной сутали, можно и за губу зацѣпить, но только я такого компаньенту не помю-съ. Думаю такъ, что сама себя она отъ своего характера укусила. Чужую шляпу домой привезъ, въ чужихъ калошахъ прѣхалъ, замѣсто тросточки ломъ очутился, — всѣ эти водевили могли случиться-съ... дѣло праздничное было... ну, а насчетъ губы, да еще ихней собственнo — никакого смыслу нѣтъ... прошу понаго оправданія-съ, потому ежели вы ей помироволите, она совсѣмъ сполна свою губу распустить... всѣхъ сосѣдей по мировымъ затаскаетъ...

— Свидѣтелей нѣтъ? — обращается судья къ истицѣ.

— А зубы то его, ваше превосходительство?.. Андрей Лукичъ, да покажите ему зубы!...

— Довольно-съ! — хрюговорилъ судья и наклонился писать рѣшеніе....

М. И. Мленицкій.

Ч А С Ы .

(Маленькая поучительная исторія)

Мои прекрасные новые часы шли цѣлыхъ полутора года, не отставая и не убѣгая впередъ; за все это время къ нимъ не попортилось ни одна часть механизма, и они ни разу не остановились. Я уже сталъ считать показанія ихъ относительно времени и часа непогрѣшимыми, а ихъ скелетъ и строеніе вѣчными.